

Иван Владимирович Меркулов
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Некоторые особенности организации стажировок и обучения российских моряков за границей во второй половине XVIII — начале XIX столетия

Всю историю стажировок российских моряков во второй половине XVIII — начале XIX в. можно разделить на три периода, различающихся не только по времени, но также по персональному составу, интенсивности посылок, их географии и механизмам реализации.

Первый период берет свое начало в 1762 г., за несколько месяцев до событий 28 июня, когда в Англию был послан соответствующий официальный запрос, положительный ответ на который сделал возможным формирование группы стажеров из 21 человека для отправки в английский флот. Он характеризовался отсутствием выработанных способов финансового и политического обеспечения командированных, четкого плана регулярных посылок, а также неясным пониманием перспектив, что предопределило известную бессистемность стажировок. Другим немаловажным аспектом, наложившим отпечаток на реализацию этих начинаний на первом этапе, была ограниченность средств, которые морское ведомство могло выделить на их обеспечение, а также обстоятельства политического характера. Первая группа отправилась в Англию уже осенью 1762 г. и оказалась наиболее многочисленной из последовавших непосредственно за ней. Предполагалось, что основную ее часть составят воспитанники Морского кадетского корпуса, «состоящие в окончании навигацких наук», однако, в конце концов, несмотря на первоначальное намерение, в Англию были посланы только офицеры. Еще до возвращения всех пионеров на Родину, Государственная адмиралтейская коллегия (да-

лее — ГАК) санкционировала несколько одиночных стажировок, а двое моряков — мичман граф А. К. Разумовский и недоросль Г. И. Муловский — отправились на туманный Альбион по собственной инициативе и на своем коште. Всего за первый период в британском флоте проходили стажировку 29 человек, подавляющее большинство которых (93,10 %) были офицерами, т. е., за редким исключением, людьми, способными на основании уже приобретенного опыта оценивать увиденное за границей.

Опыт организации стажировок на британских судах поставил перед ГАК вопрос о распространении этой практики на флоты других государств. И в этой связи взор морского ведомства обратился, прежде всего, на Мальту. Мальтийские рыцари, обладавшие галерным флотом открытого моря, согласились предоставить российским офицерам возможность познакомиться с ним. Для ГАК такой опыт представлялся тем более заманчивым, что до сих пор офицеры проходили стажировку лишь на парусных судах, однако необходимость усиления гребного флота также требовала опытных моряков. Уже осенью 1765 г. группа из 6 человек, среди которых находились двое только что вернувшихся из Англии, была отправлена на Мальту, где офицеры несколько лет совершали кампании в Средиземном море.

К сожалению, ГАК, сложившаяся внешнеполитическая конъюнктура не позволила в полной мере оправдать затраченные на стажировку средства. После окончания Семилетней войны британский флот находился в зените своей славы. Однако русские офицеры попали на его суда уже после окончания боевых действий, и это обстоятельство резко сократило для них возможности обучения. Хотя английские военные корабли и находились постоянно в море, но боевой практики не имели. Немного оказалось и практики навигационной, хотя российские офицеры побывали в Средиземноморье, Северной Америке, в обеих Индиях и даже в Китае, т. е. в землях, о которых знали только понаслышке, тем самым, расширив свой кругозор, и получив дополнительные практические навыки. Однако большинство из них за время стажировки сделали лишь по одной, хотя и продолжительной кампании, причем большую часть времени проводили либо на якорю, либо вообще на берегу. Не более воинственные настроения царили и среди мальтийских рыцарей. Очевидно, что толку от такой практики было менее, нежели ожидалось. Несмотря на это, ГАК намеревалась продолжить отправку моряков за границу, для чего уже с 1764 г. выделялась специальная пенсионная сумма в 5 000 рублей. К слову заметим, что с 1762 по 1767 г. включительно на нужды стажеров только в Лондон было переведено более 50 000 руб-

лей. Однако с началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. практика отправления российских офицеров за границу была свернута, и пришло время в боевых условиях пожинать плоды эксперимента. Большинство из бывших стажеров, исключая тех, которые скончались до завершения практики, участвовали в Архипелагской экспедиции. Многие из них продолжили военную карьеру и дослужились до флагманских чинов: наиболее известными стали адмирал П. И. Ханыков и вице-адмирал Т. Г. Козлянинов.

На рубеже двух выделенных периодов имел место опыт организации обучения нескольких воспитанников Морского корпуса в Швеции, однако он был не результатом специального намерения ГАК, а ситуативно обусловленным явлением. В 1771 г. во время перехода трех кораблей из Архангельска в Кронштадт один из них — «Вячеслав» — потерпел крушение в Балтийском море близ шведских берегов. Когда в Петербурге стало известно о происшествии, и было очевидно, что корабль будет принужден зимовать в Карлсгамне по причине серьезных повреждений, было решено использовать время для обучения находившихся на борту 8 гардемарин и 2 унтер-офицера Морского корпуса, среди которых был известный в будущем адмирал А. С. Шишков. Русских гардемарин взялся обучать ректор местного кадетского корпуса Трегорд, который, правда, в течение пары месяцев тренировал их исключительно в иностранных языках, а не в морском деле¹.

Таким образом, в ходе первого периода в Англии, Швеции и на Мальте всего были осуществлены стажировки 45 человек или 31,03 % за все рассматриваемое время, которые прошли 43 российских моряка, в основном офицеры (73,33 %).

После заключения мира начался второй период, отличавшийся значительным сокращением числа командированных стажеров, причем теперь речь шла преимущественно об единичных посылках, причиною чего было, однако, не разочарование ГАК в первом опыте, а отсутствие четкого плана и резкое ухудшение внешнеполитического климата, вызванное обострением отношений с Великобританией. Однако именно в это время окончательно определились приоритеты, и английский флот закрепил за собою роль питомника для российских моряков. В начале 1774 г. по предложению цесаревича Павла Петровича в Англию был послан генерал-адъютант адмирала Ч. Ноульса и личный друг великого князя Н. С. Мордвинов. К тому же времени относится обучение воспитанников Морского корпуса в Великобритании, которых взял с собою возвращавшийся на родину состоявший при корпусе главным инспектором над классами англи-

чанин Дж. Робисон (Робинсон). Ими стали кадет С. И. Рачинский, а также ученики Н. Беляев и И. Шишуков. Впрочем, двое последних приготавливались не к морской службе, а к преподаванию в корпусе. Рачинский с товарищами стали первыми русскими студентами, прослушавшими курс в Эдинбургском университете. Летом 1778 г. они вернулись в Россию. Наконец, еще один эпизод был связан с капитан-лейтенантом М. Г. Коковцовым, проходившим ранее стажировку на Мальте. В январе 1776 г. он испросил у ГАК разрешения определиться в качестве волонтера в испанский флот для лучшего ознакомления с портами и средиземноморским побережьем северной Африки. По прошествии отпущенного ему двухлетнего срока Коковцов просил о продлении командировки, но ему в этом было отказано, и в конце зимы 1779 г. он вернулся в Россию. Однако все эти стажировки были организованы не по инициативе, хотя и с согласия ГАК.

Сознательное возобновление прерванной практики началось с 1776 г., когда на английский флот был определен возвращавшийся из Архипелага лейтенант князь Д. С. Трубецкой. Всего до 1789 г., за исключением Мордвинова, в Англии побывали 15 офицеров (А. С. Грейг приезжал дважды), большинство из которых начали стажировку в 1778–1779 гг. Из них двое попали на Альбион случайно, благодаря такой же неприятности, какая до этого произошла с «Вячеславом». В 1779 г. фрегат «Наталья» из эскадры Ханыкова разбился близ голландских берегов, и из его команды двух мичманов с шестью кадетами корпуса решили отправить в Англию также для изучения языка. Среди последних был и будущий морской министр А. В. фон Моллер. Учеба длилась недолго, и уже в мае 1780 г. все они были отправлены в Россию. В отличие от этой группы, прочие офицеры обучались в Англии собственно морской практике, причем благодаря шедшей Войне за независимость североамериканских штатов 1775–1783 гг. некоторые из них получили боевой опыт. Сохранились любопытные рапорты советника Т. Апрелева о его участии в военных кампаниях британского флота. Однако стремительное ухудшение в 1780-х годах отношений Петербурга и Лондона привело к резкому сокращению числа стажеров, и в этот период только 6 офицеров стажировались в Англии, причем одним из них был шурин российского министра в Англии графа С. Р. Воронцова, а четверо — сыновьями адмирала С. К. Грейга, которые не столько стажировались за границей, сколько обучались на исторической родине, отчасти даже за свой счет.

Таким образом, внешнеполитический фактор и обременительность для адмиралтейских финансов содержать за границей

большую группу стажеров одновременно привели к тому, что в течение второго периода было организовано только 25 учебных командировок, пройденных 24 офицерами. От общего числа командировок они составили только 17,24 % и были самыми малочисленными за весь период. Впрочем, следует отметить, что материальные ресурсы ГАК были ограничены еще и по причине параллельного с морскими офицерами обучения в Англии значительного числа учеников корабельной архитектуры, а также неудачного опыта определения на британский флот для практики одиннадцати российских матросов. Тем не менее, обращает на себя внимание не только географическая унификация посылок, но и ориентированность их исключительно на офицеров. Речи о стажировках воспитанников корпуса уже не шло, и если бы не досадный случай с «Натальей», то ни один из них в Англию бы не попал².

Наконец, третий период, резко отличавшийся от предыдущих своей планомерностью, начался в 1793 г. благодаря стараниям графа Воронцова. Еще во времена русско-английской «простуды» он предлагал,ждавшись лучших времен, «истребовать у лондонского (двора. — И. М.) раз навсегда дозволение, чтоб некоторое число наших молодых офицеров могли служить на английских кораблях волонтерами», и каждые четыре года отправлять на стажировку по двенадцать человек с тем, чтобы «в течение всяких 20-ти лет у нас было бы 60 человек, достойных командовать кораблями». В 1793 г. первая группа из 14 человек была отправлена в Англию, причем содержание им назначалось не из адмиралтейской суммы, а из Кабинета императрицы, что стало моментом принципиальным, подводившим более прочную финансовую основу под все предприятие. В 1797 г. ГАК даже не могла навести справок о размерах содержания этой группы, поскольку ее отправление было осуществлено «мимо коллегий». Среди стажеров нового набора оказались лейтенанты И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский, дальнейшие карьеры которых говорят о том, что инициатива Воронцова осталась не без пользы. Еще одним примечательным лицом в этой компании являлся юный капитан-лейтенант С. А. Великий — внебрачный сын цесаревича Павла Петровича, чья жизнь внезапно оборвалась год спустя в Ост-Индии. Как и предполагалось изначально, следующая группа из 12 человек была отправлена в Англию в 1797 г. на смену возвращавшимся на Родину стажерам, а еще одна, в которую были включены лейтенанты В. М. Головнин и П. И. Рикорд, — уже в 1802 г. Несомненно, что, если бы не смерть Павла, предотвратившая окончательный разрыв с Англией, то столь методическому исполнению планов Воронцова

пришел бы конец, однако, Александр I и его «молодые друзья» вернулись в лоно английской политики. Очень кстати рядом с императором на правах задушевного друга оказался товарищ морского министра, самозабвенного англофила Н. С. Мордвинова, англофил по убеждению П. В. Чичагов. Именно с его подачи и при его поддержке в августе 1803 г. на стажировку было решено отправить в сопровождении мичмана А. Бутакова воспитанников Морского корпуса в числе 21 человека, а примерно через месяц в список включили еще 9 человек. В эту группу вошли два друга — в будущем адмиралы А. П. Авинов и М. П. Лазарев. Таким образом, реализовалось изначальное намерение ГАК 1762 г. в отношении гардемарин и кадетских унтер-офицеров. Однако, если за сорок лет перед тем первые стажеры отправились в Англию в погоню за затухавшей уже войной и разминулись с нею, то их младшим товарищам боевой практики искать было ненужно, ибо в начале XIX столетия беспокойная революционно-монархическая Франция сняла ее дефицит для всей Европы. Многие из российских моряков не только участвовали в крупных баталиях, в числе которых было и знаменитое Трафальгарское сражение, но испытали все превратности военной доли, как, например, Авинов и Унковский, побывавшие в плену у неприятеля³.

Регулярные посылки моряков в Англию прервались также вследствие очередного внешнеполитического конфуза, закрепленного статьями Тильзитского мирного договора 1807 г., после чего уже не возобновлялись. Всего в течение третьего периода практику прошли, включая несколько случаев единичных и своеобразных стажировок, 75 человек (51,72 %), то есть больше, чем за два предыдущие вместе взятые; из них — 43 офицера и 32 воспитанника корпуса (57,33 % и 42,67 % соответственно). Англия окончательно получила монопольное право возвращать российских стажеров.

Итак, недостатки образования и практических навыков, которые испытывали российские морские офицеры благодаря посредственному уровню подготовки в Морском корпусе и особенностям навигационного и боевого режима, в котором действовал отечественный флот, принудили в начале царствования Екатерины II возобновить петровский опыт стажировок на иностранных флотах, и данная практика продолжалась вплоть до начала XIX столетия. Несмотря на значительные сложности материального и политического характера, за период с 1762 по 1807 г. стажировку и обучение за границей, по нашим данным, прошли 140 человек, тогда как благодаря неоднократным поездкам отдельных офицеров всего таких прецедентов насчитывается 145. Большинство из стажеров были линейными офице-

рами (64,83 %), подготовленными к восприятию нового опыта; воспитанники Морского корпуса были представлены 33,79 %, однако собственно морскую практику постигали только 32 из них (22,07 % от общего числа стажеров) на завершающем этапе, причем они также имели опыт учебных плаваний, остальные же 17 человек, попавшие за границу вследствие экстраординарных обстоятельств, упражнялись в иностранных языках, восполняя тем самым пробелы в полученном образовании. Абсолютное большинство моряков проходило стажировку в Англии (88,28 %), что объяснялось как внешнеполитической конъюнктурой, так и действительным превосходством британского флота над флотами других стран⁴.

¹ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 159; Ф. 212. Указы. Отд. II. Д. 19, 25, 32, 417–419; 1771 год. Д. 2.; Ф. 227. Оп. 1. Д. 22; Ф. 315. Оп. 1. Д. 380.

² Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 139, 167; Ф. 212. Канц. Отд. II. Д. 158, 177, 417, 418; Ф. 432. Оп. 1. Д. 98.; Архив графов Мордвиновых: В 10 т. СПб., 1901. Т. I. С. 189–190; *Кросс Э.-Г.* У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 150.

³ РГА ВМФ. Ф. 212. Канц. Отд. II. Д. 419; Ф. 432. Оп. 1. Д. 1 020; *Унковский С. Я.* Истинные записки моей жизни // РГА ВМФ. Ф. 1 152. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–32.

⁴ Подробнее см.: *Меркулов И. В.* Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II: социальные аспекты комплектования командного состава флота: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 213–228.